

Игорь Белодед

не говори о нём

Повести

альпина
ПРОЗА

Москва, 2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)6-44
Б43

Редактор Анастасия Шевченко

Белодед И.

Б43 Не говори о нём: [повести] / Игорь Белодед. — М. : Альпина нон-фикшн, 2023. — 344 с.

ISBN 978-5-00139-842-4

В сборник повестей «Не говори о нём» вошли истории о трех потерянных подростках: каждый из них по-своему вычеркнут из мира, каждый — отчужден от родителей, но все они стремятся обрести внутри себя смысл, дать порой страшной реальности объяснение — и тем самым приручить ее. Всех их ждет осуществление кошмаров, борьба со своими демонами. Но удастся ли им выстоять, остаться самими собой и по-настоящему повзрослеть?

Игорь Белодед ставит неприятные вопросы и дает на них стилистически выверенные ответы, которые множат теперь уже взрослые вопросы до бесконечности. Герои его прозы смотрят в зеркало и видят не только свое отражение, стоит лишь присмотреться — и из-за спины выглядывают десятки застывших масок и звериных морд.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)6-44

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

© И. Белодед, 2023
© ООО «Альпина нон-фикшн», 2023

ISBN 978-5-00139-842-4

СИНИЙ КИТ

Воспоминания были неотступны, они прилипали к пальцам, как скотч, вертелись клейкими лентами в сельской лавке, на которые садились сытые синие мухи...

Отец, как всегда утром, просыпался раньше нее, громко зевал, шел на кухню, где заводил песнь утренней суеты. Потом к нему присоединялась мама, ее сон только восстановился после того, как младшего брата определили в детский сад, и между собой они начинали говорить не о любви, а о погоде, о том, где выше ставки по вкладам, какие шторы подойдут для новой детской и в какой университет пристроить Софку. Софка! Бр-р. Она ежилась, когда слышала имя свое уменьшительно-ласкательным.

Ей казалось, что она достойна лучшего: не этого неотесанного мужчины с залысинами над старомодной роговицей очков в роли отца, не художавой женщины с остро-искренними глазами, как разбитая по горлышку бутылка, в роли матери. Нет, сюда закралась какая-то ошибка. Если приглядеться, она была даже не похожа на них, а если приглядываться долго, то совершенно не похожа, как и на своего четырехлетнего брата. Да боже мой! — у них ведь разные глаза: у нее — серо-голубые с туманностями, а у него — карие, в отца — в ее приемного отца!

Она ощущала лицемерие мира спиной, ежилась, сидя на подоконнике, глядя на млечный снег, шинные узоры на асфальте, заметаемом поземкой, на дым, идущий из труб отогреваемых во дворе машин. И такая ненависть ее пронзала, что она выдумывала себе другую жизнь.

Из кухни донеслось:

— Софка! В школу не опоздаешь?

Это кричала ее приемная мать — никто другой это быть не мог. Скрежетали стулья, голосил проснувшийся Павел Игоревич — София, видя, что матери это неприятно, иначе не называла брата. В глубине души она ревновала маму к нему, как что-то непристойное, наблюдала расцвет любви в увядающем сорокалетнем женском естестве.

— София? Ты вообще думаешь просыпаться?

Это кричал отец, колотил в дверь и врывался в комнату, едва не падая. Толстое, коротконогое тело заполнило ее взгляд.

— Вот ты где? На подоконнике сидишь? В школу не собираешься? А? Подкинуть тебя на моем новом коне?

Самодовольный тип. Да еще и в клетчатой рубашке навывпуск и по колено натянутых красных носках. Подшерсток на ногах возбуждал в ней особенное отвращение. «На моем новом коне». Конечно, он не мог сказать просто — «на машине», ему потребовалось это дурацкое клише. И вся его жизнь была чередой клише. Да и везти ее до школы он не очень-то хочет,

просто ему не терпится показать окружающим, что он не обыкновенный инженер, а целый руководитель направления.

— Валяй, — ответила она.

— Тогда одевайся скорее. — И погода добавил: — Софочка.

Отец вышел из комнаты — взгляду стало просторнее.

За завтраком София скорчила лицо, когда прожевывала политый сгущенкой блин.

— Не хочешь — не ешь! Посмотрим, как тебя в школьной столовой накормят! — закричала мать.

— Не лезь ты к ней, ради бога, — нехотя вступился уже одетый отец. Чтобы не запахаться сгущенкой, он заломил галстук и положил его конец на левое плечо.

— Ты только и делаешь, что ее защищаешь, Игорь! Как будто Павлик тебе не родной, — и мама с грохотом поднялась из-за стола и с телячьей наставительностью стала натягивать свитер с оленями на маленькое тело четырехлетнего сына.

Утренняя блажь сошла, в машине София перестала считать своего отца приемным — он сидел слева от нее в распахнутом полушубке и заискивающе спрашивал:

— Включить подогревание сидений, а, Софочка?

Она кивнула и вдруг почувствовала к нему испуганную нежность: а что, если ложь передается

по крови, что, если она станет похожа на свою мать, как та была похожа на бабушку? И будет так же недовольна своей жизнью, и в этом недовольстве станет винить своего мужа, своих детей?.. Езды было три минуты — и вот в кольце сиреневых фонарей перед забором и бордового снега на козырьке оказалась школа. София, тронув губами щеку отца, вышла из машины, и он безмолвно помахал ей в стекло с водительской стороны. Просто не верится, что его могли любить чужие женщины: такого плешивого, такого всегда некстати.

На первом уроке истории было скучно: учитель с хлипкой, поповской бородой что-то мямлил про заводы, размахивая руками, второй он разнообразил рассказами о сталинских репрессиях в лицах, особенно удавался ему Ежов. Учитель, сняв очки с переносицы, зачесывал назад волосы, подгибал колени и начинал петь писклявым голоском какую-то казацкую песню. Вдруг менялся в лице и заводил другую. На четвертой песне он хватался за шею, делал вид, что в два счета приканчивал себя, и говорил: «Репрессирован!» — и кланялся перед классом. В нем пропал дар захолустного Гамлета.

— Запомните, дети, иногда репрессировали и тех, кто это заслуживал. В частности, учеников, у которых были плохие отметки по истории. Поразмыслите об этом на досуге.

По классу проходил нервозный хохоток.

Похохатывала соседка по парте Волобуева, в классе они считались первыми подругами —

и все-таки они не были по-настоящему близки. Волобуева была недалекая некрасивая девушка, которая осознавала свою некрасоту и пользовалась ею. Крупный нос на чересчур маленьком лице, грубые красные руки и костлявые коленки, видные под шерстяными колготками. За спиной похохатывала Иванкова — красивая, породистая; каждый раз, когда София слышала ее хохот, она вспоминала, как на прошлогоднем выпускном Иванкова говорила собравшимся вокруг нее верным: «Вы знаете, что действительно помогает? Мирамистин! Ну и еще, девочки, — таблетки, без них никуда, потому что заразу можно вывести всегда, а ребеночка выводить — жалко!» София не верила, что Иванкова настолько испорчена. Да, она считала себя красивее других, да, у нее, как говорилось на уроках литературы, была высокая грудь, она происходила из слишком хорошей семьи для обыкновенной школы и была вызывающей, но все-таки не порочной.

Волобуева толкнула ее локтем в плечо и беззвучно произнесла губами: «Что ты такая мрачная?» София посмотрела на синицу из страз, выложенную на ногте ее большого пальца. Прозвенел звонок, и, только учитель истории — в заключительном порыве лицедейства — выкрикнул с кавказским напряженным призывом номера страниц, которые нужно прочитать к среде, класс вмиг опустел.

— Софа! Ты до талого здесь собралась сидеть?

Волобуевой надоело ждать, пока подруга сложит карандаши в пенал, тщательно переберет в ранце учебники.

— До подснежников, Лена, — отозвалась София.

Волобуева села на парту, джинсовое бедро расплылось, другая нога стала покачиваться в проходе, носок кеда оставлял на линолеуме еле заметные серые полосы.

— Кстати, ты знала, что Иванкова положила глаз на твоего Сереженьку?

— Он не мой, и вообще он не Сереженька.

Только не краснеть. Только не краснеть. Но вот София чувствует, как ее лицо заливает краска, Волобуева добродушно смотрит ей в глаза.

— Ты даже не спросишь, как я это пронюхала?

Молчи — только молчи.

— И как?

— Когда на днях в столовой Иванкова точила со своими верными, она брякнула, что не прочь замутить с двумя парнями из десятого класса. Кто был второй, я не расслышала, а вот имя Сергей уловила. Вангую, она тебя еще будет доставать, Софа.

Сергей учился в смежном классе — «А», три месяца назад он перевелся в школу из тюменской гимназии из-за переезда родителей-нефтяников, на второй неделе сломал палец однокласснику Софии и стал пользоваться

уважением среди школьников. Он был молчалив, носил пиджаки с заплатами на локтях, синие-молочные рубашки, на ногах — терракотовые туфли из нубука, и при всем том был не дурак. София познакомилась с ним в ноябре, когда неожиданно на уроке физкультуры у нее потекла носом кровь и она вышла из зала. Спустя пару минут Сергей, с грохотом раскрыв дверь, ступил в коридор, увидел, как, запрокинув голову, на скамье сидит Софья и кладет на подоконник карминные, жгуче-красные ватные круги.

— Привет, кто тебя так?

— Никто.

— Меня, кстати, Сергей зовут. Если скажешь, как зовут тебя, я готов поговорить с твоим недоброжелателем на школьном дворе.

— Надо же. Ты, видимо, тащишься от того, что ломаешь людям носы и пальцы?

Говорить было неудобно, кровь запачкала ей щеку, застыла на губном желобке... Так они и познакомились и с тех пор почти каждый день случайно сталкивались в обед. Сергей, вытягивая на ходу манжеты из-под рукавов пиджака, приближался к ней и спрашивал, все ли у нее хорошо. В нем было что-то особенное, что-то, что она про себя называла мужественностью, возможно, это была лишь обыкновенная человечность.

София чувствовала двусмысленность их встреч, она не хотела, чтобы они прекращались, но пристальное внимание Иванковой и даже

Волобуевой выводило ее из себя, так что иногда ей снилось, что она стоит одна посреди актового зала совершенно голая и на нее пальцем указывает завуч — женщина с высушенным лицом и отливающими синью волосами. Было бы правильно совсем не знакомиться с ним, разужнать сначала, что он за человек, но София боялась своих желаний, они казались ей грязными, во всяком случае, сейчас — когда лицемерие родителей обрушилось на нее, как снег со школьного козырька, и она не могла разобраться в том, что сделало из нее — Софии, «ангела», «пусечки» — отверженную дочь.

— Вот это встреча!

Волобуева, запрокинув голову, хихикнула, помахала рукой. Добраться до кабинета биологии незамеченной не удалось: перед ней стоял Сергей; в конусе болезненного зимнего света его глаза были ярко-синими, хотелось затворить их и целовать его в тонкие веки.

— Что тебе нужно?

— Ба!

— Ты можешь говорить не междометиями?

— Все равно ты неспособна дать то, что нужно мне.

— Это просто детский сад.

— Шестая группа и продленка. Сгущенного молока больше не наливать!

И тут София увидела, что на пороге класса стоит Иванкова и смотрит на них с застывшей, глиняной улыбкой на губах.

Когда она зашла в проветренный кабинет и достала из ранца тетрадь по биологии, Иванкова приблизилась к ней, положила длинный сухощавый палец на красные розы, изображенные на обложке, и сказала в пустоту класса:

— Девчонки, смотрите! Софка у нас не чурается новых веяний. Тренд. Розочки на обложках. Долго выбирала — или тебе эту тетрадку бабка купила на базаре?

— Отстань!

— Нет уж, Софка, я просто не могу пройти мимо этого произведения искусства! Поделись названием магазина, где продают такое уродство: после уроков побегу покупать, боюсь, как бы не раскупили.

Одноклассницы гоготали за ее спиной. София оттолкнула Иванову от парты и хотела начать перепалку, но в класс, как дредноут, вплыла учительница и из обширных своих внутренностей выпалила: «Это что за безобразие?!»

На уроке София долгое время не могла прийти в себя, она механически срисовывала со страницы учебника эмбриона, пока Волобуева смахивала пальцем на сотовом, а отличница — Агата Свербицкая, она же Впадина, — читала перед классом доклад о фикусе, который она выращивала несколько лет. Ей повезло меньше Софии, два года назад на уроке географии она была единственной, кто знал глубину Марианской впадины; она так забавно тянула руку, так сильно выпучивала глаза, что, назвав

правильный ответ, обмякла, растянула губы в торжествующей, глупой улыбке. С тех пор ее и прозвали Впадиной.

София не вслушивалась в говоримое ею, но вдруг уловила что-то о тычинках, вспомнила утренние мысли, поземку, фиолетовую щеку отца и грубость матери, и ее поразила мысль, что и она тоже когда-нибудь станет матерью. Быть не может. Ребро ладони было сплошь в графите, зародыш — человеческий ли? — смотрел на нее единственным глазом с тетрадного листа. Плацента где меандром, где студнем ходила вокруг него. А она никак не могла примириться с этой мыслью. Было в этом что-то противоестественное, что-то, что усложняло ее жизнь, делало лицемерие родителей, которое она не могла выразить словами, обоснованным, чуть ли не необходимым. Вот она, София Рубина, — будущая мать. Вот этот зверь, что сейчас нарисован на листе, — ее грядущий сын, который будет жить внутри нее целых девять месяцев, а когда вырастет, станет ненавидеть ее, потому что она будет изменять своему мужу, который умрет раньше нее, а она останется вдовой. Не может быть. Неправда, что она раньше сама была вот этим зверем, что ее раньше самой не было. Как ее могло вообще не быть? Софии? «Если меня не было прежде, то почему я есть именно сейчас, какая в том надобность Вселенной? И почему я задумалась об этом именно сейчас, в двенадцать тридцать? За три недели до Нового года?»

Больше всего ее поразило не то, что она умрет, а то, что ее не было — вообще не было — на протяжении тысяч и миллионов лет, мысль эта ее настолько подавила, что она прослушала вопрос учительницы.

— Рубина? Рубина? Проснись! Ты в облаках витаешь?

— Что?

— Не «что», а какие примеры конвергенции вы способны привести, Софья Игоревна?

— Конвер... что?

Класс, кривляясь и визжа, захохотал. Софья не сдержалась и снова покраснела. Учительница покачала головой и принялась испытывать тем же вопросом громко смеявшихся парней, но никто не мог дать ей вразумительного ответа.

До дома — через перелесок — она ходила одна, года два назад, бывало, ее провожал из школы одноклассник, но он переехал с родителями в другой город, прислал оттуда, кажется из Сургута, три одинаковые открытки и сгинул. Теперь она едва помнила его лицо, зато каждый раз вспоминала о нем, когда шла мимо сосен с желтой облезшей корой, с подтеками живицы, где он однажды поцеловал ее в сжатые губы. Софья жила ощущениями, и чем глубже она в них погружалась, тем тяжелее ей было возвращаться в школу, к родителям — ко всему тому, что она в дневниках называла «внешним миром». Сергей, казалось, мог бы

развеять ее тоску, случившуюся после окончания художественной школы, после смерти бабушки, но мысли о нем еще сильнее обостряли ее одиночество, придавали ему очарование застывшего японского сада.

Снег хрустел под подошвами, с ветки на ветку перепрыгнул бельчонок и уронил на тропу громкую сосновую шишку. Школа оставалась за спиной, но чем ближе становился дом, тем отчетливее одиночество обращалось в брезгливость. Вспоминались Павел Игоревич в свитере с оленями, со ртом ижицей, перепачканным кашей, плешь отца, сухие руки матери, ее кожа, натянутая на кости до предела, проткни ее ножницами — и она сдуется, как велосипедная камера.

Вот она наберет знакомое число на домофоне, которое складывается до счастливого, почувствует запах жилого подъезда — волглый, неожиданно хвойный (видимо, кто-то уже запасся елкой) — и войдет в пустую квартиру — и останется в ней навсегда — и никто не посмеет ее вывести из оцепенения, что лучше жизни, в которой есть Иванкова и Впадина, в которой глупые учителя спрашивают о чем-то на «конв».

Вечером, когда мама с Павлом Игоревичем вышли на прогулку, она попробовала заговорить с отцом. Экранные сполохи делали его лицо бледным: казалось, она вызвала умершего отца из небытия, как Саул на свою беду вызвал из мертвых Самуила.

— Папа, тебе никогда не бывает так грустно, что кажется, весь мир противостоит тебе?

— А?

— Нет, не так, не столько противостоит, сколько не замечает тебя? Ты словно копия среди копий.

Только сейчас София заметила, как маслянистыми пальцами он откладывает ото рта тонкие куриные кости и хватает с подлокотника кресла салфетки. Они рвутся, липнут к пальцам, не отстают от них.

— Может быть, тебе просто надо развеяться? Сходи погуляй со своей подружкой... не помню, как ее фамилия.

— Волобуева?

— Да-да, хорошая девочка.

И отец берет с тарелки, стоящей на табуретке перед ним, куриное бедро и подносит его к губам. На другой тарелке, неглубокой, педантично выложены мясные жилы и кости — друг за другом по длине.

— Папа, а зачем?

— Что зачем, Софочка?

— Зачем ты работаешь?

Он поворачивается к ней: что-то недоброе блестит в его глазах.

— Ну, знаешь ли, чем вам только голову не забивают в школе! Наше время тоже нельзя назвать правильным, но я не помню, чтобы я приходил к родителям и доставал их так, как ты.

— То есть тебе нравится твоя работа?

— Более или менее.

Куклы на экране снова стали двигаться: тени теней, неживые подоби́я людей.

— И жизнь нравится?

— Софья, у меня двое детей, я исправно плачу налоги и люблю свой город, к чему этот пустой разговор?

— Но все это имеет лишь опосредованное отношение к тебе.

— То есть?

— Это всё ярлыки, понимаешь? Их наклеивают на тебя чужие люди, но ты другой, все другие!

Отец недовольно надувает губы, хмурится, со стороны кажется, что надбровные дуги вот-вот обрушатся и засыпят глаза, разобьют стекла и помнут дужки очков. На плеши проступает синий треугольник, на экране застывают медленные шторы, женщина-актер целует мужчину-актера, они изображают чувство.

— Послушай, иди лучше почитай сборник задач по литературе.

— Но ЕГЭ будет только в следующем году!

— Не важно, у меня был сегодня тяжелый день, Софочка, мне просто нужно отдохнуть. Взять язык и положить его на плечо. По рукам?

— Последний вопрос, папа. Ты счастлив?

— Вот сейчас не особенно, — безучастно отвечает он, так что София не понимает, с иронией следует воспринимать его ответ или нет.

— Но если ты не счастлив, как ты можешь сделать счастливыми других?

— Софа, пожалуйста...

Она поднимается с дивана с треском, отец качает головой, не глядя на нее, быть может, он действительно устал, а она так чувствительна потому, что к ней приближается то, о чем до сих пор ей стыдно говорить — даже Волобуевой — и уж тем более матери? Квартира полнится теплыми, из открытых форточек льется плавкий холодный воздух, под ногами — разбросанные игрушки Павла Игоревича, что-то страшно пищит под стопой.

Ее комната увешана картинами, оставшимися после художественной школы: вот безымянная греческая голова, вот ошибочный римский бюст, вот северный олень в гуашевом цвете, акварели с изображением скандинавских городов и бордовой церкви с изжелта-луковичным куполом над шатром, покрытым медными листьями. София в темноте всматривается в олени: он кажется ей ненастоящим, махровым; где все то возвышенное, что она думала, когда наносила краски на его тело и представляла, как в тайге его облепляет гнус — мошка и комарье, — как он страдает, а она воссозданием из ничего берет на себя его страдания?

София подняла крышку ноутбука и увидела на странице Волобуевой новую аватару: Елена в персиковой шубке, в сапогах с высокими голенищами стоит перед зажженной бенгальской

свечой, которую держит рука нового неизвестного, — а к аватаре сделана подпись: «Новый год начинается сегодня!» София резко сжала зубы, ей представилось, что еще чуть-чуть — и челюсти ее расколются. Недолго думая, она вбила в поисковике сочетание слов «синий кит» и, не разбирая, в каком-то запале самоистязания, нравственного помутнения, вступив в первую попавшуюся группу, написала в неопределимо-необозримое: «Хочу в игру!» Если бы она не боялась, что ее услышит отец, она бы высунулась из окна и прокричала во внутренности двора, по которому гуляет мама с Павлом Игоревичем, лишая снег совершенства, вытапывая его до асфальта: «Хочу в игру! Только в игру — и больше никуда!» Она почувствовала внезапный прилив сил, как будто что-то в ней надломилось, — и поток еле сдерживаемого благодатного гнева затопил ее всю целиком со школой и домом, в окне которого она стояла в одном бюстгальтере и смотрела на то, как свет от фонарей взбалмошно искрится на стекле, тронутым морозом.

2

Спустя четверть часа ей написал некто по имени Абраксас Йах. На аватаре был изображен обнаженный мужчина с петушиной головой, со спутавшимися змеями вместо ног, в одной руке он держал извилистый кинжал, в другой — щит,

на котором проступал лик Горгоны. Он сразу же — без ошибок в запятых и корневых гласных — объяснил Софии, что он куратор игры и что она может обращаться к нему «просто Абра».

— Хорошо, Абра, ты действительно куратор?

— А ты действительно хочешь сыграть? Для чего тебе это?

— Я хочу заглянуть за край жизни...

Она написала это и задумалась: не слишком ли поспешное это решение? На экране мелькало синее многоточие: Абра набирал ответ.

— То есть ты хочешь заглянуть за смерть?

— Да.

— Зачем тебе это в шестнадцать лет?

Она вздрогнула, показалось, что Абра находится где-то во тьме ее комнаты: прячется за створкой шкафа, тянет руку к оленю, страшно шепчет в ночи. Потом ей пришло в голову, что она наверняка где-нибудь указала свой возраст, или у кураторов есть доступ к чужим страницам, — и все равно страх не сразу отпустил ее.

— Ты никогда не задумывалась над тем, почему люди говорят о смерти только в больницах и на похоронах, хотя смерть — самое важное событие, которое им предстоит пережить? Или не пережить? Смерть равняет бога и нищего, смерть стирает различия и возводит каменные стены, смерть — это хребет времени. Познав смерть,

мудрый хочет жить, а глупец бросается в слезы. Ты готова познать смерть — и остаться живой, остаться бессмертной в своем желании танцевать по краю смерти, будучи не затронутой ею?

Она не понимала, что читает, лицемерие родителей было связано с самим существованием смерти в мире. Вспомнились похороны бабушки, покашливания, пьяные возгласы деревенских родственников, которых мама не захотела оставлять дома после поминок и без обиняков отправила ночевать на автовокзал. Они хотели выставить гроб прямо во дворе, хотели, чтобы соседи присоединились к их скорби, чтобы сотни людей вокруг увидели, как они любили то, что теперь было трупом и лежало, противясь внешним силам, затворившим ему рот, без движения, с восковой желтизной кожи, от которой исходил едва трепетный запах, оседавший в ноздрах. И потом холод лба — не обжигающий холод поручней в мороз, не уютный гудящий холод дверцы холодильника, но проникновенный холод трупа. Прикасаешься к нему — и как будто проваливаешься вниз, хотя, кажется, вот она ты — стоишь на месте, но мокрый асфальт под тобой расступается, и кто-то тянется к тебе из-под разошедшихся кусков дорожного полотна. Они выносили табуретки, выставив крышку гроба на лестничной клетке перед лифтом, соседская собака мусолила рюш по канту с весельем в глазах, с незлым рыком из пасти. Потом они подходили к ней, насыпали в сложенные горстью руки

мелочь — сорокалетней давности, — говорили, что это на счастье. И София помнила, как она расстроилась, когда одна монета, будто медная, подскочив над гробом, обтянутым постромками, сверкнула в солнечных лучах и упала на край ямы, и ее вдавил пяткой в податливую землю черный, щетинистый могильщик. Отец был безучастен, он не вымолвил ни слова в тот день, зато мать говорила без устали: «Софка, быстро кутью съела!», «Паша, сынок, отойди от рюмки, это для бабушки оставили эти дикари», «Игорь, тюфяк, подвинься, хоть к дочери подойди, а не сиди ты с этими пропойцами!». Мама была в ударе.

— ...Итак, ты должна выполнить пятьдесят заданий. Попробуешь уклоняться — что же, твоя воля. Захочешь соскочить, тогда вызвать меня снова уже не получится. Тихий дом тебя не примет. Земля тебя не примет. И ты просто умрешь — и не воскреснешь — и ни за что на свете не узнаешь, кто живет в тихом доме.

— Что такое тихий дом?

— Дом, в котором мы окажемся вместе с тобой, если ты не соскочишь.

— После смерти?

— Смерти нет. Слышишь? Когда есть безоглядная решимость расстаться с жизнью, смерть тебя не берет, понимаешь, София?

Решила ничего не отвечать. За стеной родители укладывали Павла Игоревича, изредка заходила спальная возня.

— Ты готова сыграть в игру?

— Да, f57.

— Это обязательно писать. Уверена?

— Да, начинай.

— Вот тебе первое задание. Ровно в четыре двадцать ты должна быть в сети. Я скину тебе запись длительностью полчаса, в четыре пятьдесят два ты отпишешься мне о том, что ты на ней увидела.

— Хорошо, я сделаю. Можно вопрос?

— Конечно, София.

— Кто ты?

— Я — тот, кто знает о тебе все. И твое отчество, и дом, в котором ты живешь, и даже то, о чем ты думала, когда переписывалась со мной.

— Правда?

— Посмотришь запись и узнаешь. Если я обману тебя, тебе припишут нового куратора.

Это испугало ее и одновременно вызвало любопытство: до полуночи она сидела за столом в овале склоненной лампы, делающей столешницу под светом вишневой, и рисовала серого кита карандашом. Когда она сдувала на палас мертвую кожу стирательной резинки, в комнату вошла мама. В темноте ее лицо казалось коричневым, воспаленно поблескивали глаза.

— Почему ты не ужинала, Софа?

— Не хотелось.

— Ты не болеешь, — через силу сказала она, — доченька?

— Нет, мама.

— Что это ты рисуешь, милая? Ты ведь не рисовала уже полгода с тех пор, как закончила художку?

— Да, с тех пор как умерла бабушка.

Предупредительный взгляд. Мама воспринимает это как вызов, но сдерживается. Как только засыпает сын, к ней возвращается не столько любовь к дочери, сколько раскаяние за собственное к ней пренебрежение.

— Это ведь кит? Почему он тогда улыбается, Софа?

— Это особенный кит.

София долго ворочалась в постели, а когда уснула, ей, кажется, ничего не приснилось. В четыре пятнадцать прозвенел будильник. Она открыла глаза и почувствовала себя внутри утробы огромного животного, поглотившего ее. Не сразу вспомнилось обещание Абре, ночные звуки были странны: из смесителя на кухне капало, в открытую форточку ворвался звук резко вывернувшей из двора машины, и долго звук скрипнувших тормозов отдавался в перепонках. София нащупала телефон и открыла приложение, спустя минуту Абра действительно скинул ей запись — запись с чужих похорон.

Рука снимающего, судя по всему, родственника, дрожала, он неровно держал сотовый, то и дело ставил его на попá и причитал: «Как же ты, моя племяшка, будешь дальше, кто о тебе позаботится на том свете?» Вдруг он замолкал. Потом на фистуле снова заводил: «Глупая-глупая,

что ты наделала?» На запись попало мертвенно-зеленое лицо покойницы — ровесницы Софии, увидев его, она подумала, что так, должно быть, выглядят русалки с неестественно фиолетовыми губами. На лбу трупа был венчик с выведенными тушью образами Богородицы, Крестителя и, кажется, архангелов. Издалека они сливались в чужой язык — письмена смерти. Взахлип причитала мать покойницы, ее поддерживали под руки двое мужчин, пожилые женщины были спокойны, двигали провалившимися ртами, губы их были гусеницами и червями, что заведутся скоро в новом теле. Снимающий вздыхал: «Господи! Зачем и за что, господи?» Кто-то подозвал его, теперь на записи был пол из мраморной крошки, слышался невнятный разговор: «Ну что, что-нибудь отснял?» Что-то неразборчивое в ответ, сотовый потянулся вверх, на запись попали стеклоблки, которыми была заложена одна из стен зала для прощания. София сняла наушник и отмотала вперед. Вдруг она вспомнила слова Абры: «Я знаю даже то, о чем ты думала, когда переписывалась со мной...» Мурашки прошли по спине, по верху головы закололо от испуга, подумалось: потянешь за волосы, и они с готовностью покинут голову, как дешевый парик.

Снова запричитал снимающий и прошептал: «Отец с братьями подняли ее гроб! Подняли!» Тишина вдруг водворилась, и среди этой тишины сотовый показал бессмысленное белое лицо матери, которая закричала: «Оставьте ее!

Оставьте! Не выносите!» Кто-то заголосил с другой стороны зала, в запись попало грязное окно с разводами, за ним — решетка, неопределенное время года. Кажется, осень, судя по тому, что отец в куртке. Вдруг что-то дернулось. София не поверила своим глазам. В гробу что-то дернулось. Четверо носильщиков в недоумении стали задирать головы: «Что не так? Да не припадай ты!» И в то же мгновение в гробу кто-то поднялся, и венчик слетел с головы на плиточный пол. Зал разом охнул, подвернулось тело тучной женщины в черной шали с заплаканным лицом, грохнулось в обморок несколько тел. Вначале занялся шепот: «Она встала, господи, она встала!» Затем мать изо всех сил закричала: «Доченька, это ты, доченька, скажи хоть слово!» Топот. Снимающий без конца повторял: «Это чудо, чудо, чудо!» На камеру лишь единожды попало чье-то растерянное мертвенное лицо и очертания согбенной девочки, сидящей в гробу, который, едва не перевернув, поставили на табуретки восемь мужских дрожащих рук.

Софии стало не по себе: сначала от этих похорон, затем от припомненных слов Абры. Без десяти пять она написала ему и рассказала о том, как девочка встала из гроба.

— Встала? Ты видела это собственными глазами?

— Нет. Просто поднялась.

— Ты знаешь, как ее зовут?

— Нет.

— Поговорим завтра. Будем считать, что с первым заданием ты справилась.

София спала беспокойно, когда она проснулась, отец уже уехал на работу, пришлось идти до школы пешком. Утренние сиреневые фонари были как огромные цветы на заснеженном и залитом светом поле: сухой чертополох, выхолощенные стебли борщевика с человеческий рост. Лямки рюкзака тянули в плечах, дубленка топорщилась, раскрываясь при ходьбе. Вспомнилось, как умершая бабушка каждый раз одергивала ее, когда она садилась на холодное сиденье: «Ты что, без детей остаться хочешь, Софушка?» Была бы ее воля, она бы и летом заставляла ее надевать подштанники. Софушка. После ее смерти Софию так никто не называл. Снег расстрелянно хрустел под ногами, как будто с натяжкой терпел вес ее тела. Слишком много тяжелых мыслей было этой ночью, мыслей о телах.

В школу она опоздала, седой охранник, подняв глаза-туманности от столешницы, на которую ворохом были навалены газеты, недовольно шмыгнул носом, вслед ей сказал:

— Не попадись только завучу на глаза!

— Хорошо!

Но она попалась, постучав робко в дверь и войдя в класс.

— Извините, Анна Сергеевна.

В классе никто не хохотнул: София заметила, что, кроме завуча — сухопарой женщины с огненными волосами, — здесь находились

учительница химии — еще более высохшая и длинная, чем завуч, за глаза ее называли Щепкой — и усатый учитель ОБЖ — крепкий мужчина по прозвищу Гильза. Каждый раз, увидев его, София вспоминала беспомощный хохолок на его голове, когда в мае Гильза показывал, как правильно надевать противогаз.

Завуч взглянула на нее, опустив очки ниже по переносице.

— Это София Рубина, — вступилась учительница.

— Опаздывать нехорошо, Рубина. Вообще все ваши беды происходят от отсутствия дисциплины, — голос ее скрипел, как старая деревянная колонка. Пока завуч ей выговаривала за опоздание, София села на первую парту рядом с Волобуевой, та подмигнула ей. — В школе вас могут пожалеть, но взрослая жизнь — она жестче. Может быть, вам кажется, что мы придираемся к вам, задираем, так сказать, планку. Но во взрослой жизни все будет еще хуже. Не потому ли современные родители так несчастны, что их расхолаживает школа, как вы считаете, Павел Степанович?

Усы задвигались, что-то промолвили. При начальстве Гильза обмякал, становился похожим на учителя труда у мальчиков.

— Мы, кажется, отвлеклись от темы сообщения.

— Ах да. Рубиной, значит, сами расскажете, что случилось, но без нагнетания, пожалуйста.

И последнее, что я хотела сказать: вы не должны об этом упоминать в сети. Если мне кто-нибудь доложит, что кто-то из старшеклассников — как это называется? — рассеянно обратилась она к Гильзе, тот тихо ответил, — перепостил или, не дай бог, запостил все то, о чем я вам говорила, то ему лучше сразу подготовиться к поиску новой школы. А вы знаете, что в городе, кроме лицея и нашей школы, больше приличных учебных заведений нет. Я не думаю, что родители с восторгом отнесутся к предложению платить лишние пять тысяч в месяц, чтобы их чадо училось в лицее. Вы меня поняли?

Все как один закивали.

— И, пожалуйста, без паники, дети уходят и из вполне благополучных семей. В любом случае школа здесь ни при чем.

Обнажила запястья, посмотрела на блестящие часы с любопытством, как сорока, и сказала:

— Нам пора. Простите за то, что помешали уроку.

Учительница расплылась в елеинно-подобострастной улыбке. Уходя, завуч еще раз взглянула на Софию и опустила очки еще ниже.

Во время урока Волобуева шепнула ей, что пропал тот самый Руслан, палец которому сломал Сергей.

— Как так пропал?

— Ушел из дому и не вернулся, ты не заметила, что его уже как несколько дней нет на уроках? Сачкует, думаешь?